

Я хочу еще раз выразить горячую признательность Пьеру де Лакретелю, Жоржу Кесселю, Кристиану Гремийону, Мадлен Мариньяк, Жильберу Сиго, Жозе-Андре Лакуру за ценную помощь, которую они оказали мне во время работы над этим томом; хочу также поблагодарить работников Национальной библиотеки, Национальных архивов, библиотеки Межан в Эксан-Провансе и Флорентийской библиотеки за необходимое содействие моим изысканиям.

М. Д.

Пролог

В течение 327 лет, другими словами, со времени избрания Гуго Капета вплоть до смерти Филиппа Красивого, на французском троне сменилось всего лишь одиннадцать королей, и каждый оставлял после себя сына, будущего наследника престола.

Словно сама судьба благословила эту династию, вызывавшую всеобщее удивление, на длительное царствование, и казалось, ему не будет конца! Из одиннадцати королей мы можем назвать лишь двоих, чье владычество длилось менее пятнадцати лет.

Эта редкостная в истории непрерывность в отправлении власти и передаче ее прямому наследнику способствовала зарождению национального единства, более того, предопределила это единство.

Феодалные связи, связь как таковая вассала с сюзереном, связь более слабого с более сильным постепенно сменялась иной связью, иным договором, объединившим всех членов этого обширного сообщества, которое столетиями управлялось одним и тем же законом, равно было подвержено одним и тем же превратностям.

Если идея нации еще только завоевывала умы, то самый принцип ее, ее воплощение уже существовали

в лице короля, который был высшим источником власти и высшим ее прибежищем. Тот, кто говорил «король», подразумевал Францию.

И всю свою долгую жизнь Филипп Красивый усердно старался укрепить это нарождавшееся единство с помощью сильной централизации всего административного аппарата, систематически пресекая всяческие происки, шли ли они из чужих краев или от его подданных.

Но вскоре после кончины Железного короля за ним сошел в могилу его сын Людовик Сварливый. Народ не мог не увидеть — и увидел — перст судьбы в этих двух смертях, последовавших одна за другой и подкосивших обоих государей во цвете лет.

Людовик X Сварливый процарствовал всего восемнадцать месяцев, шесть дней и десять часов. Впрочем, и в этот недолгий срок незадачливый монарх успел почти окончательно загубить дело рук своего отца. Во время царствования Людовика была убита его первая жена Маргарита и казнен первый министр отца; голод опустошил Францию, две провинции взбунтовались, целая армия увязла во фландрской грязи. Высшая знать вновь повела наступление на прерогативы королевской власти; реакция стала всемогущей, а казна оскудела.

Людовик X вступил на престол в тот период, когда католический мир не имел папы; он скончался, когда папа еще не был избран и христианский мир находился на пороге раскола.

И вот Франция осталась без короля.

Ибо от брака с Маргаритой Бургундской Людовик X имел единственную пятилетнюю дочь — Жанну Наваррскую, которая, по мнению многих, была

незаконного происхождения. Королеву Клеменцию Людовик оставил в тягости, и можно было лишь уповать на появление законного наследника, ибо только через пять месяцев она должна была разрешиться от бремени. В довершение всего открыто утверждали, что Сварливый был отравлен.

Ничего не было предпринято для назначения регента, и в ожесточенной борьбе за власть яростно столкнулись личные притязания. В Париже звание регента оспаривал граф Валуа. В Дижоне — герцог Бургундский, родной брат удушенной Маргариты, вожак мощной баронской лиги, решивший отомстить за смерть сестры и ставший таким образом поборником прав малолетней племянницы. В Лионе граф Пуатье, брат Сварливого, старался разрушить козни кардиналов и тщетно добивался решения конклава. Фламандцы не стали мешкать и, воспользовавшись благоприятной обстановкой, вновь взялись за оружие, а сеньоры графства Артуа продолжали вести гражданскую войну.

Разве не достаточно было всего этого, чтобы воскресить в памяти народной то проклятие, которое бросил два года тому назад Великий магистр ордена тамплиеров из пламени костра? И неудивительно, что в ту суеверную эпоху люди в первую неделю июня 1316 года задавали себе вопрос: уж не навек ли проклят род Капетингов?

Часть первая

Филипп Запри Ворота

ГЛАВА I

Белая королева

Траурное одеяние королев — белое.

Белого цвета косынка из тонкой ткани, плотно облегающая шею, скрывает подбородок чуть ли не до самых губ и оставляет открытой лишь середину лица; белого цвета длинная вуаль спускается на лоб и брови; волочится по земле белое платье, рукава туго схвачены у запястий. Вот это-то одеяние, сродни монашескому облачению, надела на себя — и, вероятно, навсегда — королева Клеменция Венгерская, оставшаяся вдовой на двадцать третьем году и прожившая в браке с королем Людовиком X всего лишь десять месяцев.

Отныне никто не увидит более ни прелестных ее золотых волос, ни совершенного овала лица, навсегда померкнет эта лучезарная безмятежность взгляда, этот блеск оживления, который поражал всех ее знавших и прославил на века красоту Клеменции.

Застывшее, как маска, узенькое, трогательное личико, полускрытое ослепительно-белой косынкой, носило следы ночей, проведенных без сна, и следы слез, пролитых днем. Даже взгляд и тот изменился; казалось, он ни на чем не задерживается, лишь сколь-

зит по людям и вещам. Уже сейчас королева словно превратилась в надгробие собственной могилы.

И все же под складками белого одеяния зрела новая жизнь. Клеменция ждала ребенка, и ни на минуту ее не оставляла упорная, как наваждение, мысль, что ее супругу не довелось увидеть свое дитя.

«Хоть бы до его рождения дожил Людовик, — думала она. — Еще пять месяцев, всего пять месяцев! Как бы он обрадовался, особенно сыну... И почему не понесла я в нашу первую брачную ночь!..»

Королева обернулась к графу Валуа, который, переваливаясь, как каплун, шагал по комнате.

— Но за что, дядюшка, за что могли его так злодейски отравить, почему? — допытывалась она. — Разве не делал он людям добро, всем, кому мог? Почему вы всегда стараетесь увидеть людское коварство там, где проявляет себя лишь воля Господня?

— Зато только вы одна приписываете воле Господней деяние, которое скорее следует приписать козням Сатаны, — отрезал Карл Валуа.

Большеносый, широкоскулый, румяный, с округлым брюшком, в черном капюшоне с высоким гребнем, сбитым на одно плечо, в черном бархатном кафтане с серебряными застежками, сшитом полтора года назад для похорон родного брата, короля Филиппа Красивого, его высочество Валуа прибыл к королеве прямо из Сен-Дени, где он присутствовал при погребении своего племянника Людовика X. Впрочем, на сей раз при исполнении траурного обряда возникли кое-какие осложнения, ибо впервые с тех пор, как был установлен церемониал королевских похорон, герольды, провозгласив: «Король умер!», не смогли добавить: «Да здравствует король!», так как никто не

знал, перед кем, перед каким новым властелином следует совершить символические жесты, предусмотренные ритуалом.

— Пустое, вы сломите свой жезл передо мной, — посоветовал Валуа первому камергеру усопшего короля, Матье де Три. — Я старший в семье и лучше других подхожу к этой роли.

Но его единокровный брат, граф д'Эвре, возразил против подобного новшества, догадываясь, что Карл выдвинул этот аргумент с целью добиться регентства.

— Старший в нашей семье, если только вы употребили это слово в его подлинном значении, это вовсе не вы, Карл, — заметил граф д'Эвре. — Как известно, наш дядя Роберт Клермонский доводится родным сыном Людовику Святому. Неужели вы забыли, что он еще здравствует?

— Вы сами знаете, что бедняга Роберт давно лишился рассудка. Разве можно хоть в чем-то полагаться на эту сумасбродную голову! — возразил Валуа, пожав плечами.

Так или иначе, в конце поминального обеда, устроенного в аббатстве, первый камергер сломал жезл — символ своего высокого ранга — перед пустым стулом...

— Разве Людовик не творил милостыню? Разве не простил он многих узников? — твердила Клеменция, словно стараясь убедить саму себя. — Он был великодушен, поверьте мне... А если он и грешил, то каялся...

Вряд ли стоило сейчас оспаривать добродетели, коими королева украшала покойного своего супруга, чей образ неотступно стоял у нее перед глазами! И все-таки Карл Валуа не сумел скрыть раздражение.

— Знаю, племянница, знаю, что вы оказывали на Людовика самое благотворное влияние, знаю, что он действительно был великодушен... в отношении вас, — отозвался Валуа. — Но нельзя царствовать только с помощью молитв или даров, которыми осыпают близких. И одним покаянием не потушить порожденную тобою же ненависть.

«Так вот каков Карл, — печально думала Клеменция. — При жизни Людовика Карл приписывал себе все заслуги монарха, а теперь во что бы то ни стало стремится отрицать их. И меня, меня не сегодня завтра попрекнут теми дарами, что делал мне Людовик. Я опять стала для них чужеземкой...»

Но Клеменция была слишком слаба, слишком разбита, чтобы вознегодовать. Вслух она лишь произнесла:

— Никогда не поверю, что Людовика ненавидели настолько, что решились его отравить...

— Ну и не верьте, племянница, — вскричал Карл, — однако такова истина! Первое тому доказательство — тот самый пес, что лизнул белье, в которое заворачивали внутренности короля при бальзамировании. Ведь пес издох через час. Далее...

Клеменция прикрыла глаза и схватилась за подлокотники кресла, она испугалась, что потеряет сознание перед этой страшной картиной, которую так настойчиво рисовал ей Валуа. Неужели с такой холодной жестокостью говорят о ее муже, о короле, засыпавшем в ее объятиях, об отце ребенка, которого она носит под сердцем? К чему вызывать перед нею ужасное видение трупа, исполосованного ножом бальзамировщиков?!

А Карл Валуа по-прежнему не скупился на злое-щие умозаключения. Когда же наконец замолчит он, этот суетливый, властный, честолюбивый толстяк, появляющийся то в голубом, то в алом, то в черном бархате во все решающие или роковые минуты жизни Клеменции с первого же дня ее приезда во Францию, и всякий раз лишь для того, чтобы поучать ее, оглушить потоком слов и заставить действовать против ее собственной воли? Еще в утро свадьбы в Сен-Лие дядюшка Валуа, которого до того Клеменция видела лишь мимолетно, чуть было не испортил торжественную церемонию, поспешив посвятить новобрачную в дворцовые интриги, так и оставшиеся ей непонятными... Перед взором Клеменции возник Людовик, несущийся ей навстречу по дороге из Труа... сельская церковь, комнатка в маленьком замке, наспех убранная под брачные покои... «Достаточно ли я насладились своим счастьем? Нет, ни за что не заплачу перед ним!» — решила про себя Клеменция.

— Кто виновник чудовищного злодеяния? — продолжал Валуа. — Этого мы пока еще не знаем, но мы его найдем, племянница, торжественно клянусь вам... если, конечно, мне дадут эту возможность. Мы, короли...

Карл Валуа любил при каждом удобном и неудобном случае напомнить, что он тоже носил две короны, правда носил чисто символически, но это ставило его на равную ногу с владыками мира сего.

— ...Мы, короли, имеем врагов, не личных наших врагов, а тех, кто враждебен нашим предначертаниям; и поверьте, немало людей были заинтересованы в том, чтобы сделать вас вдовой. Во-первых, существ-

вуют тамплиеры, чей орден, к великому сожалению, уничтожили. Впрочем, я об этом сотни раз говорил!.. Они образовали тайную лигу и поклялись сгубить моего брата и его сыновей. Брат мой скончался, и старший его сын последовал за ним! Затем не забудьте римских кардиналов... Вспомните-ка, что кардинал Каэтани пытался напустить порчу на Людовика и вашего деверя Пуатье, хотел, чтобы их обоих вынесли вперед ногами. Дело открылось, но Каэтани вполне мог отыскать какой-нибудь иной способ сразить их. Что вы хотите, нельзя безнаказанно свергать папу с престола святого Петра, как это сделал мой брат Филипп, и рассчитывать, что этот акт не вызовет озлобления! Возможно также, сторонники герцога Бургундского были возмущены карой, постигшей Маргариту, и не могут примириться с тем, что вы заняли ее место...

Клеменция взглянула прямо в глаза Карлу Валуа, который смутился и даже слегка покраснел. Он сам был причастен, и не в малой мере, к убийству Маргариты. И он понял, что Клеменция это знает; очевидно, Людовик по неосторожности доверился ей...

Но Клеменция продолжала хранить молчание: она по-прежнему избегала разговоров на эту тему. Ей казалось, что и на ней лежит вина, пусть даже невольная. Ибо ее супруг, благородное сердце которого она так превозносила, задушил тем не менее свою первую жену, чтобы жениться на ней, на племяннице Неаполитанского короля. Так нужно ли после этого искать иных причин для постигшей их кары Господней?

— Есть еще графиня Маго, ваша соседка, — поспешно добавил Валуа, — а она из тех женщин, кото-

рые не отступят перед преступлением, даже самым злодейским...

«А чем же тогда она отличается от вас? — подумала Клеменция, не смея высказать свою мысль вслух. — Здесь, при французском дворе, на мой взгляд, не долго раздумывают, прежде чем убить».

— ...А ведь еще месяца не прошло, как Людовик, желая смирить графиню Маго, отобрал у нее графство Артуа.

Тут Клеменции подумалось, что уж не граф ли Валуа, перечисливший с добрый десяток возможных убийц, был виновником преступления. Но она сама испугалась этой мысли, в сущности не подкрепленной никакими разумными доводами. Нет, она решительно запрещает себе любые подозрения; ей так хочется, чтобы Людовик умер естественной смертью... И однако, взгляд Клеменции невольно устремился через открытое окно к густой листве Венсеннского леса, туда, где чуть южнее стоял замок Конфлан, летняя резиденция графини Маго... За несколько дней до кончины Людовика Маго вместе со своей дочерью, графиней Пуатье, нанесла Клеменции визит, самый любезный визит. Клеменция ни на минуту не оставляла их одних. Они восхищались гобеленами в ее спальне...

«Что может быть унизительнее, чем видеть в каждом приближенном обманщика, — думала Клеменция, — на каждом лице читать измену...»

— Вот почему, дражайшая племянница, — продолжал Валуа, — вам следует вернуться в Париж, о чем я вас и прошу. Вы знаете, как я люблю вас. Я устроил ваш брак. Ваш покойный батюшка был моим шу-

рином. Прислушайтесь же к моим словам, как к словам своего батюшки, если бы Бог сохранил нам его. А вдруг рука, сразившая Людовика, захочет распространить свое мщение на вас и на плод вашей любви, который вы носите под сердцем? Я не могу оставить вас здесь, в лесу, беззащитную против происков злодеев, и только тогда я буду спокоен, ежели вы поселитесь поблизости от меня.

Вот уже целый час Валуа пытался вынудить у Клеменции согласие перебраться во дворец Сите, ибо он сам решил там поселиться. Это переселение входило в его планы: так ему легче будет заставить признать себя регентом и поставить Совет пэров перед свершившимся фактом. Кто хозяин дворца Сите, тот как бы наполовину король. Но если он поселится во дворце один, без королевы Клеменции, это будет похоже на переворот и на узурпацию. Если же Валуа, напротив, въедет во дворец Сите вслед за своей племянницей как самый близкий ее родич и покровитель, никто не посмеет возразить. Ныне чрево королевы — верный залог престижа и наиболее действенное, если так можно выразиться, орудие власти.

Клеменция повернула голову, как бы желая испросить совета у молчаливого свидетеля их беседы, который стоял в нескольких шагах от королевы, держа скрещенные руки на эфесе длинной шпаги.

— Что мне делать, Бувильль? — шепнула она.

Юг де Бувильль, бывший первый камергер Филиппа Красивого, на первом же Совете, собравшемся после смерти Людовика, был назначен хранителем чрева королевы. Дородный, уже наполовину седой, но еще подвижный для своего возраста, славный Бувильль, верно прослужив тридцать лет королям

Франции, отнесся к своему новому назначению не только всерьез, но чуть ли не трагически. Тщательно проверив отобранных для этой цели дворян, он создал надежную охрану, и стражи группами в двадцать четыре человека в очередь дежурили у дверей, ведущих в королевские покои. Сам он нацепил все свои воинские доспехи и в этот жаркий июньский день безбожно обливался потом под стальной кольчугой. Крепостные стены, дворы, все подступы к Венсенну были забиты лучниками. За каждым слугой, подававшим на стол, ходил по пятам стражник. Даже придворных дам обыскивали, прежде чем допустить их к королеве. Никогда еще так тщательно не охраняли живого человека, как охраняли сейчас эту жизнь, дремавшую во чреве королевы Франции.

Бувиль формально делил свои обязанности с престарелым сиром де Жуанвилем, назначенным вторым хранителем чрева; о нем вспомнили лишь потому, что в то время он как раз оказался в Париже, куда наезжал с неукоснительной старческой аккуратностью дважды в год за получением пенсионного, выплачиваемого ему при всех трех сменившихся на троне королях, а также за особым пособием, назначенным ему в связи с канонизацией Людовика Святого. Но сенешалю Шампани шел ныне девяносто третий год; в силу своего преклонного возраста он считался старейшиной высшей знати Франции. Полуслепой старик был сверх меры утомлен этим путешествием в столицу из своего замка Васси в верховьях Марны, и большую часть времени он мирно дремал в обществе двух своих конюших, тоже седобородых старцев. Естественно, все заботы выпали на долю одного Бувиля.

Для королевы Клеменции с образом Юга де Бувилля были связаны самые дорогие ее сердцу воспоминания. Ведь Бувилль был послан просить ее руки от имени французского короля, и он же сопровождал ее в пути из Неаполя во Францию. Он был без лести преданным поверенным ее тайн и, возможно, единственным ее верным другом среди французского двора. Бувилль сразу понял, что Клеменции не хочется покидать Венсенн.

— Ваше высочество, — обратился он к Валуа, — мои обязанности стража мне сподручнее выполнять здесь, в этом замке, обнесенном надежными стенами, нежели в Сите, где большой дворец открыт для каждого. А если вы опасаетесь соседства графини Маго, то, коль скоро меня держат в курсе всего происходящего в округе, разрешите сообщить вам, что как раз в эту минуту ее добро грузят на повозки, ибо она тотчас направляется в Париж.

Карл Валуа с видимой досадой выслушал это сообщение; его раздражало, что влияние Бувилля так выросло с тех пор, как он стал хранителем чрева; бывший камергер не покидал королеву ни днем ни ночью, да и сейчас торчал здесь, опираясь на шпагу.

— Мессир Юг, — высокомерно произнес Карл, — вам поручили охранять чрево, а не решать такие важные вопросы, как местопребывание королевской фамилии, и уж тем паче вас не уполномочивали защищать единолично все государство.

Бувилля не смутила эта отповедь.

— Разрешите напомнить вам, ваше высочество, — сказал он, — что королева не может показываться на людях раньше сорокового дня после похорон.

— Неужели, дражайший, вы полагаете, что я хуже вас знаю наши обычаи! Откуда вы взяли, что королева должна кому-то показываться? Мы доставим ее в Париж в закрытом возке... И неужели, племянница, — воскликнул он, поворачиваясь к Клеменции, — вы считаете, что я хочу загнать вас на край света, во владения Великого хана! Вы же сами знаете, что от Парижа до Венсенна не две тысячи лье!

— Поймите меня, дядюшка, — слабо возразила Клеменция, — Венсеннский замок — последний дар Людовика, здесь мы жили с супругом до его смерти. Он пожаловал мне это жилище, вы сами присутствовали при этом, — она указала на двери покоев, где скончался Людовик X, — и выразил волю, дабы я жила здесь... Да и мне все кажется, что он еще не совсем покинул этот замок. Поймите, ведь здесь мы...

Но его высочество Валуа был лишен способности вникать в такие мелочи, как власть воспоминаний и поэзия скорби.

— Ваш супруг, за душу коего мы возносим молитвы, отныне принадлежит прошлому государства. А вы, племянница, вы носите под сердцем его будущее. Подвергая опасности вашу жизнь, вы подвергаете опасности и жизнь вашего дитя. Людовик, который смотрит на вас с небес, никогда не простил бы вам этого.

Удар попал прямо в цель, и Клеменция молча поникла в кресле.

Но Бувилль заявил, что вопрос такой важности не может быть решен без участия сира де Жуанвиля, и послал за ним слугу. Присутствующие молча ждали его появления. Наконец дверь открылась, но им

снова пришлось ждать. Не сразу появился последний сподвижник Людовика Святого; в длинном одеянии, какое носили еще во времена Крестовых походов, он с трудом переступил порог дрожащими, плохо повиновавшимися ногами. Лицо его было все в бурых пятнах и походило на кору векового дуба, выцветшие глаза слезились. Двое конюших, столь же дряхлых, как и их господин, поддерживали его с обеих сторон. Старца усадили с величайшими предосторожностями, и Валуа принялся излагать ему свои проекты насчет местожительства королевы. Сир де Жуанвиль внимательно слушал, сокрушенно покачивал головой, видимо гордясь тем, что его наконец призвали к решению дел государственной важности. Когда же Валуа замолк, сенешаль погрузился в раздумье, которое никто не посмел нарушить; все напряженно ждали, когда с этих старческих уст сорвутся вещие слова. И вдруг старик спросил:

— А где же король?

Валуа досадливо поморщился. Время не терпит, а тут изволь тратить силы на этого старика! Да понял ли сенешаль хоть одно слово из красноречивых доводов Карла?

— Полноте, мессир Жуанвиль, король скончался, — пояснил он, — и нынче утром мы предали его земле. Вы отлично знаете, что вас назначили хранителем чрева...

Сенешаль нахмурил лоб и сделал мучительное усилие, чтобы понять и вспомнить. Такие провалы памяти были для него не в диковинку; диктуя свои знаменитые «Мемуары», восьмидесятилетний старец слово в слово повторял в конце второй части то, что уже было сказано в начале первой...

— Ох, наш государь Людовик... — пробормотал он наконец. — Скончаться таким молодым... Я еще ему преподнес свою знаменитую книгу. А знаете, я уже четвертого короля хороню.

Эти слова он произнес таким тоном, будто речь шла о личных его заслугах.

— Но ежели король скончался, королева должна стать регентшей, — объявил он.

Валуа побагровел. А он-то старался, чтобы в хранители чрева выбрали этих двух — юродивого и тупицу, надеясь, что ими будет легко вертеть; но тонкий этот расчет обернулся против него самого: именно они и чинят ему препятствия.

— Королева не может быть регентшей, мессир сенешаль, она в тягости! — крикнул Валуа. — Как же она может быть регентшей, если неизвестно еще, родится король или нет?! Взгляните сами, в состоянии ли она править государством!

— Вы же знаете, что я ничего не вижу, — ответил старик.

Прижав ладонь ко лбу, Клеменция думала лишь об одном: «Когда же они кончат препираться? Когда оставят меня в покое?»

А Жуанвиль принялся рассказывать, при каких условиях после смерти короля Людовика VIII королева Бланка Кастильская, к великой радости подданных, взяла на себя бремя управления страной.

— Мадам Бланка Кастильская... конечно, вслух об этом не говорили... не совсем отвечала тому образу беспорочности, каковой создала молва... И говорят даже, что граф Тибо де Шампань, добрый приятель мессира моего отца, служил ей верой и правдой также и на ложе...

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	9
-------------	---

Часть первая

ФИЛИПП ЗАПРИ ВОРОТА

Глава I. Белая королева	15
Глава II. Кардинал, не верящий в ад.....	32
Глава III. Ворота Лиона	46
Глава IV. «Осушим слезы наши»	56
Глава V. Врата конклава	70
Глава VI. Из Нофля в Сен-Марсель.....	80
Глава VII. Дворцовые ворота	100
Глава VIII. Первые визиты графа Пуатье.....	114
Глава IX. Дитя, родившееся в пятницу	123
Глава X. Ассамблея трех династий.....	135
Глава XI. Жених и невеста играют в кошки-мышки.....	151

Часть вторая

ГРАФСТВО АРТУА И КОНКЛАВ

Глава I. Прибытие графа Робера.....	167
Глава II. Папский ломбардец	179
Глава III. Плата за преступление	192
Глава IV. «Коль скоро нас вынуждают воевать...».....	206
Глава V. Войско регента берет пленного.....	214

Часть третья
ТРАУР И КОРОНОВАНИЕ

Глава I. Королевская кормилица	225
Глава II. Да свершится воля Божия!.....	236
Глава III. Хитроумный Бувиль	252
Глава IV. «Перед вами король, мессирь»	259
Глава V. Ломбардец в усыпальнице Сен-Дени	265
Глава VI. Франция в железных руках	275
Глава VII. Безжалостно разбитые мечты... ..	283
Глава VIII. Отъезды.....	300
Глава IX. Накануне коронавания	321
Глава X. Реймские колокола.....	338
Примечания. <i>Перевод Л. Ефимова</i>	356
Историко-биографическая справка	
<i>Перевод Л. Ефимова</i>	366